

Гражданин Ноль

СТРАЖИ СОМНАМБУЛЫ

Государство, которого нет

ДАТСКАЯ
ИМПЕРИЯ

РОС.
ЦАРСТВО

КОРОЛЕВСТВО
НОРВЕГИЯ

Архипелаг
«Спящий Дракон»

РЕЧЬ
ПОСПОЛИТА

Гражданин Гражданин 0
Стражи Сомнамбулы

«Автор»

2026

Гражданин О Г.

Стражи Сомнамбулы / Г. Гражданин О — «Автор», 2026

Что будет, если группа обычных людей решит построить государство с нуля — вне законов старого мира? В холодных водах северных морей существует архипелаг, которого нет на официальных картах. Здесь несколько человек — инженер, офицер, юрист, учёный — начинают самый рискованный эксперимент в своей жизни: создание нового государства. Без революций. Без лозунгов. Без иллюзий. Им предстоит выстроить власть, экономику и оборону, сохранить порядок, не скатившись в диктатуру, и защитить свой дом от внешнего мира, который рано или поздно узнает правду. «Стражи Сомнамбулы» — это социальная и политическая фантастика о цене стабильности, выборе между свободой и безопасностью и людях, которые берут на себя ответственность не за идеи, а за реальность.

© Гражданин О Г., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1: Исход	5
Глава 2: Первый Совет	11
Глава 3: Испытание на прочность	14
ГЛАВА 3: КАМЕНЬ И ЗАКОН	18
ГЛАВА 4: ИСПЫТАНИЕ НА ПРОЧНОСТЬ	22
ГЛАВА 5: КУЗНИЦА И ЩИТ	29
Глава 6: Камень, сталь и олени тропы	34
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Гражданин 0

Стражи Сомнамбулы

Глава 1: Исход

Солёный ветер бил в лицо, заставляя Романа щурить светло-серые глаза. Он стоял на носу старого, выдавшего виды катера «Якс», вцепившись в поручни, пока судно подпрыгивало на тяжёлых, свинцовых волнах северного моря. Карта в его непромокаемом планшете была испещрена пометками, крестами и кругами. Последний круг – самый жирный – охватывал небольшой архипелаг, призрачную точку в безбрежной акватории, не обозначенную на большинстве гражданских карт.

– Ты уверен, что он здесь? – прокричал Роман, обернувшись к своему спутнику.

Тот, вопреки качке, с невозмутимым спокойствием делал записи в кожаный блокнот. Илья Андреевич. Он не был ни худым, ни спортивным – телосложение у него было самое обычное, среднее, такое, какое бывает у человека, не чурящегося физической работы, но и не одержимого ею. Прочная тёмная ветровка сидела на нём удобно, без намёка на тесноту или мешковатость. В его позе, даже на качающейся палубе, чувствовалась не физическая мощь, а иная сила – внутренняя собранность, словно все его ресурсы были направлены не на мышцы, а на мысль. На его лице, с правильными, но ничем не примечательными чертами, покоились старинные солнечные очки в тонкой металлической оправе – ретро-модель с крупными, почти квадратными линзами тёмно-зелёного стекла. Они казались странным, но органичным анахронизмом, будто снятым с фотографии середины века. За их затемнёнными стёклами было невозможно разглядеть выражение глаз, но поворот головы и плотно сжатые губы выдавали предельную сосредоточенность.

Илья не сразу ответил. Он закончил штрих в блокноте, поправил очки, смахнул со лба мокрую прядь тёмных волн и повернулся к линии горизонта, где небо сливалось с водой в единую, тревожную, серо-сизую массу.

– По координатам – да, – прозвучал его голос. Обычный, ровный, глубокий. Он не повышал его, не перекрикивал стихию, но каждый слог, казалось, прорезал шум ветра и рёв двигателя, достигая Романа с ясностью колокола. В этом голосе не было ни надрыва, ни пафоса, только холодная, выверенная убеждённость. – По данным спутниковых снимков за последние пять лет – да. По отсутствию какого-либо упоминания в открытых реестрах ООН, уставах морских путей и даже в отчётах геологоразведочных экспедиций – тем более да. Он наш. Вернее, он ничей. А значит, по всем неписаным законам первооткрывательства и по всем писаным – о terra nullius, – может стать нашим.

Роман усмехнулся, почувствовав знакомый прилив азарта. Пять лет назад этот голос, эта железная логика, изложенная за столиком университетского кафе поверх остывшего кофе, заставила его, практика и реалиста, поверить в безумную идею. Не в эмиграцию, не в протест, а в созидание. С нуля.

– Земля! Прямо по носу! – прохрипел у руля капитан «Якса», пожилой моряк с лицом, напоминающим старую, потрескавшуюся кожу. Он не отрывал взгляда от полосы тумана впереди.

И из пелены, словно мираж, начали проступать очертания. Сначала один огромный остров, его центральная громада, увенчанная темнеющим лесом. Затем ещё три, поменьше, и бесчисленное множество крошечных островков и скал, рассыпанных вокруг, как осколки. Но главное, что заставило оба сердца на мгновение застыть, – это широкая, сияющая даже в этом

тусклом свете полоса. Песок. Не галька, не чёрные скалы, а настоящий, светло-золотистый песчаный пляж, окаймляющий значительную часть главного острова.

– Песок... – выдохнул Роман, забыв на мгновение о ветре и качке. – Ты видел на снимках песок?

– Разрешение было низким. Я предполагал смешанный берег. Но это... это лучше любых предположений, – ответил Илья, и в его ровном голосе впервые прозвучала тончайшая, почти неуловимая струнка удовлетворения. Он снял очки, на секунду подставив лицо сырому воздуху, и Роман увидел его глаза – тёмно-карие, необычайно спокойные и внимательные. Как у хирурга перед операцией или у часовщика, разбирающего сложный механизм.

«Якс», сбавив ход, начал осторожно пробираться к архипелагу. Теперь была видна вся его красота и изолированность. Главный остров, который они уже мысленно назвали «Примом» (Primus – Первый), был достаточно велик, чтобы быть самостоятельным миром. Лес уступами поднимался от песчаных дюн к скалистому центральному хребту. Вода в лагунах между островами переливалась изумрудными и бирюзовыми оттенками, резко контрастируя с суровым свинцом открытого моря.

– По форме... напоминает дракона, свернувшегося кольцом, – заметил Роман, вглядываясь в очертания.

– На старых рыбацких картах, если они вообще были, его могли так и обозначать, – кивнул Илья. – Архипелаг «Спящий дракон». Подходящее имя. Оно говорит об опасности, которую можно обойти, и о силе, которую можно приручить.

Высадку готовили тщательно. Спустили на воду надувную лодку «Зодиак» с мотором. Погрузили в неё самое необходимое: рюкзаки с палатками, инструменты, ящики с оборудованием для связи и запечатанные водонепроницаемые контейнеры с документами. Капитан, получивший щедрую плату и обещание такой же за обратный рейс (который, как он думал, состоится через месяц), лишь мрачно покивал, наблюдая, как они отчаливают.

– Безумцы, – пробурчал он им вслед, но в его голосе было скорее уважение, чем насмешка. Он видел разных людей в своих рейсах, но таких – с тихим огнём в глазах и папками, прикованными к рукам цепями – видел впервые.

Двигаясь к берегу, они молчали. Гул мотора «Зодиака» заглушал всё. Роман смотрел на приближающийся пляж, его сердце колотилось от предвкушения. Илья, снова в своих очках, изучал береговую линию, мысленно нанося на карту в блокноте ориентиры: мыс, речка, впадающая в море, гряда валунов.

Нос лодки мягко упёрся в песок. Роман спрыгнул в тёплую, прозрачную воду по щиколотку и потянул лодку за собой. Илья вышел следом, сухо, на самый берег. Его первый шаг на новую землю был обдуманным и твёрдым.

Они стояли на идеальном, пустынном пляже шириной метров тридцать. Песок был мелким, чистым, без следов ни человека, ни крупных животных. Позади него начинались заросли невысоких колючих кустов, а далее – стеной темнел хвойный лес, перемежающийся с лиственными породами. Воздух пах солью, влажной хвоей, прелыми водорослями и чем-то незнакомым, диким, первозданным.

– Начинаем, – просто сказал Илья, снимая рюкзак.

Первые часы ушли на базовый лагерь. Разбили две палатки в сотне метров от берега, на небольшой возвышенности, откуда был виден и пляж, и подходы с моря. Установили портативную солнечную панель и подключили к ней спутниковый терминал и блок аккумуляторов. Привели в рабочее состояние компактный опреснитель. Роман, с наслаждением ощущая песок под ботинками, занялся периметром, наметил места для будущих укреплений, источников воды. Илья же, достав из гермоконтейнера толстую папку, накрытую сверху прозрачным пластиком, и свой блокнот, устроил «кабинет» под открытым небом на складном стуле.

К вечеру, когда над лесом запылала багровая полоса заката, они сидели у костра, разведённого на безопасном расстоянии от палаток. Дымок, пряный и смолистый, стелился над землёй. Роман жарил на импровизированном гриле консервированную тушёнку, Илья изучал карту острова, составленную по данным сегодняшней короткой рекогносцировки.

– Воды достаточно. Почва, судя по растительности, пригодна для земледелия в долинах. Лес даст стройматериалы. Бухта на юго-востоке – идеальна для будущего порта, – бубнил он, записывая. – Первоочередные задачи: детальная топосъёмка, инвентаризация ресурсов, строительство постоянного укрытия до сезона штормов.

– Илья, – перебил его Роман, протягивая ему миску с едой. – Мы на месте. Остров есть. Пора говорить о главном. О том, зачем мы здесь.

Илья принял миску, поставил её рядом, но не стал есть. Он отложил карту и потянулся к папке. Его движения были медленными, почти ритуальными. Он снял пластиковую крышку и вынул стопку листов формата А4, исписанных плотным, убористым почерком. На верхнем листе, набранном крупным шрифтом, стояло:

ПРОЕКТ ОСНОВНОГО ЗАКОНА (КОНСТИТУЦИИ)

ДЕМОКРАТИЧЕСКО-СПАРТАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ (ДСР)

– Главное – вот, – сказал он своим ровным голосом. – Фундамент. Без него мы всего лишь робинзоны. С ним – основатели.

Роман вытер руки и взял предложенные листы. Он читал при свете мощной туристической лампы, а Илья сидел напротив, неподвижный, лишь изредка поправляя свои ретро-очки, в которых отражались прыжки огня. За его спиной тьма сгущалась, поглощая очертания леса архипелага «Спящий дракон», и только белый шум прибора напоминал, что мир за пределами круга света всё ещё существует.

Роман углубился в чтение. Текст был сухим, юридически безупречным, лишённым высокопарных деклараций. Преамбула была краткой: «Учреждая государство на принципах разума, долгосрочной стабильности и ответственной свободы, мы, его основатели, принимаем настоящий Основной Закон как нерушимый каркас нашей будущности».

Но суть раскрывалась в первых же статьях о власти. Роман читал вслух, и его голос, обычно уверенный, теперь звучал задумчиво, будто он взвешивал каждое слово:

– «Высшим органом стратегического управления и законодательной власти является Государственный Совет, состоящий из тридцати пожизненных членов... Кворум для принятия решений – двадцать членов... Полномочия члена Совета прекращаются лишь в случае его добровольной отставки, доказанной недееспособности или смерти... Член Совета обладает полной неприкосновенностью. Его нельзя задержать, арестовать или привлечь к судебной ответственности без единогласного требования самого Совета...» – Он поднял взгляд на Илью. – Пожизненные сенаторы. Неприкасаемые. Это же чистейшая олигархия, Илья. Платоновские «стражи» в худшем смысле слова.

– Это меритократия, – поправил Илья, и его обычный голос был спокоен, как поверхность глубочайшего озера. – И стабильность. Демократия, которую мы знаем, – это рынок. Рынок популизма, сиюминутных обещаний и борьбы за краткосрочный электоральный цикл. Она поощряет не мудрость, а умение понравиться. Наш Совет – это не выборы. Это отбор. Пожизненный мандат освобождает от необходимости бороться за переизбрание, от зависимости от спонсоров, от медийного давления. Их единственная задача – долгосрочное благополучие государства. Их единственные судьи – их собственные совесть и такие же, как они, коллеги.

– А если они сговорятся? Станут кланом, правящим в своих интересах?

– Система сдержек, – Илья перелистнул несколько страниц и указал пальцем на статью. – Президент. Исполнительная власть. Он избирается всенародно, но не из кого попало. Совет выдвигает трёх кандидатов. Народ выбирает из них. Таким образом, мы отсекаем случайных

людей, но даём конечный выбор гражданам. Президент командует армией, полицией, назначает министров (с одобрения Совета), но не может распустить Совет или изменить Конституцию в одиночку.

Роман кивнул, продолжая читать. Он дошёл до раздела о чрезвычайном положении.

– «В случае прямой внешней агрессии, катастрофы, угрожающей существованию государства, или иного системного кризиса, Президент с одобрения не менее двух третей Совета может ввести режим чрезвычайного положения сроком на один год, с возможностью продления ещё на один год... На время действия ЧП приостанавливаются выборы любого уровня и гарантии свободы средств массовой информации...»

– Самый опасный инструмент, – заметил Роман. – Ключ к диктатуре.

– Самый тяжёлый, – согласился Илья. – И опутанный цепями. Во-первых, необходимость абсолютного большинства в Совете. Во-вторых, жёсткий лимит по времени. В-третьих, даже на время ЧП неприкосновенность членов Совета остаётся в силе. Они – главный барьер против узурпации. Это не механизм для захвата власти, а инструмент для её сохранения в экстремальных условиях. Представь войну. Нужна быстрая реакция, а не предвыборная кампания.

Они говорили долго. Спорили, искали слабые места. Роман приводил примеры из истории, где подобные системы вырождались. Илья парировал, объясняя, как их механизмы должны это предотвратить. Его аргументы были отточены годами размышлений, каждый параграф Конституции был продуман, как ход в шахматной партии на десятилетия вперёд.

– А кто будет первыми этими тридцатью? – наконец спросил Роман, откладывая последнюю страницу. – Мы с тобой. И всё?

– Мы с тобой – первые двое, – сказал Илья. – Основатели имеют право занять места в Совете по умолчанию. Остальные двадцать восемь... Это наша первая и главная миссия. Мы найдём их. Не по дружбе, не по родству. По уму. По характеру. По преданности не нам, а Идее ДСР. Врачей, инженеров, учёных, управленцев, военных с безупречной репутацией. Людей, уставших от цирка старого мира и готовых строить новый. Мы будем приглашать, испытывать, наблюдать. Каждую кандидатуру будем утверждать совместно. Первый Совет должен быть безупречным. Он задаст тон на столетие.

Роман встал, размял затекшие мышцы. Он подошёл к краю их лагеря, откуда в лунном свете, пробивающемся сквозь разрывы в облаках, был виден серебриющийся песок пляжа и тёмная громада леса, уходящего вглубь острова. Где-то в той чаще, возможно, и правда спал дракон – дух этой земли. Им предстояло его разбудить и обуздать.

– Значит, завтра, – сказал Роман, не оборачиваясь. – Не черновик. Окончательный вариант. Мы его подпишем. Здесь. На этом берегу.

– Да, – ответил Илья. Он уже снова писал что-то в блокноте, его очки лежали рядом. – И начнём составлять список. Первый список граждан-основателей. И первую повестку дня для первого заседания Государственного Совета ДСР.

Огонь догорал. Где-то в глубине архипелага «Спящий дракон» кричала ночная птица, и её крик, одинокий и пронзительный, нёсся над песком и волнами, будто возвещая начало новой, странной и великой истории. Истории, которая начиналась с двух человек, папки бумаг и безграничной, безумной веры в то, что они могут всё изменить.

Тишина после слов Ильи была особой, насыщенной. Она не была пустотой – она была наполнена гулом океана, треском углей, шелестом листьев на ночном ветру и грандиозностью только что произнесённого. «Первый список. Первое заседание». Эти слова висели в воздухе, превращая их лагерь из убежища робинзонов в будущий административный центр.

Роман вернулся к огню, подбросил в него сухую ветку. Искры взметнулись в чёрное небо, на мгновение осветив его сосредоточенное лицо.

– Список, – повторил он. – Тридцать человек. Мы с тобой – это два. Кого ты видишь рядом? Конкретно.

Илья закрыл блокнот, откинулся на спинку складного стула. В его обычном голосе появились новые, едва уловимые обертона – не сомнения, а взвешивания.

– Мирон Боровик, – сказал он после паузы. – С позывным «Дуб». Бывший офицер, десять лет строил логистическую компанию с нуля, пока её не отжали рейдеры. Ему пятьдесят. Он знает, как выживать, как организовывать и как командовать в условиях хаоса.

– Помню его досье, – кивнул Роман. – Согласится?

– Он разочарован в справедливости, но не в порядке. Мы предложим ему порядок, который он сможет защищать. Дальше – Алиса Строгова. Бывший прокурор, уволенная за попытку возбудить дело против высокопоставленного коррупционера. Ей нужна не месть, а система, где закон действительно выше личности.

Илья говорил методично. Герман Астафьев, эпидемиолог, зол на систему, но не на науку. Никита Ветров, инженер-энергетик, построивший независимую геотермальную станцию, которую затем забросили. Софья Макарова, агроном, разработавшая методику устойчивого земледелия, проигнорированную министерством.

– Они все... неудачники старого мира, – произнёс Роман без пренебрежения.

– Не неудачники, – поправил Илья. – Побочные продукты. Отходы системы, которая отбрасывает компетентность, если она мешает статус-кво. Мы дадим им смысл. Власть, сопряжённую с ответственностью. Это сильнейший мотиватор.

– А мы? – Роман посмотрел прямо на Илью. – Мы же не входим в этот Совет тридцати. По нашей же Конституции. Президент и Верховный Советник. Отдельная статья. Зачем такой ход?

Илья снова надел очки.

– Потому что мы – основатели. Мы создаём систему, но сами должны быть над ней, чтобы гарантировать её стабильность. Мы – дублирующий механизм. Статья 9: «Основатели Республики, Роман и Илья, наделяются на период своей жизни особым статусом... Их власть уравнивает друг друга и служит арбитром в случае тупика в Совете». Мы – две вершины. Ты – лицо, воля. Я – мозг, стратегия. Совет – тело. Если Совет начнёт буксовать, у нас будет законное право вмешаться. До нашей смерти. После – система должна работать самостоятельно.

Роман молчал, переваривая. Это была диархия, спартанского образца, с современным обоснованием.

– И народ? Совет? Они согласятся?

– Они согласятся на стабильность, – тихо ответил Илья. – На защиту от хаоса. Мы не будем тиранами. Мы будем гарантами. Наша власть – не для обогащения, а для сохранения системы. И она ограничена временем нашей жизни. Это переходный период. Длиной в жизнь. После нас – чистый механизм Совета и выборного Президента. Но чтобы механизм запустился, нужен инженер у руля. Мы и есть эти инженеры.

Он подошёл к контейнеру и вынул два плотных фолианта в тёмно-синей коже. На обложке каждого было вытиснено золотом: «ОСНОВНОЙ ЗАКОН. ДСР».

– Пустые? – уточнил Роман.

– Пока да. Завтра мы впишем в них историю.

Ночь окончательно вступила в свои права. План был ясен. Завтра – акт творения.

Утром они приступили к церемонии. Разместили складной стол на краю пляжа. Положили на него два тома Конституции. Илья достал две перьевые ручки – семейные реликвии. Они стояли друг напротив друга.

– Ты готов? – спросил Илья своим ровным голосом.

– С момента нашей первой встречи, – ответил Роман.

Они подписали лист с окончательной редакцией. Затем, с невероятной тщательностью, Илья перенёс текст в первый том, своим каллиграфическим почерком. Роман вписал текст во второй. Это заняло несколько часов. Каждое слово обретало материальность.

Когда последняя точка была поставлена, они обменялись томами и поставили подписи под текстом уже в самих книгах. Роман – как Верховный Правитель (Президент). Илья – как Верховный Советник.

– Отныне и навсегда, – сказал Роман.

– Отныне и до конца наших дней, – подтвердил Илья.

Они оставили тома на столе, под открытым небом, и отправились на первую разведку. Им нужно было найти место для столицы.

Они шли вдоль берега, и Роман остановился, указывая на широкую дубу бухты.

– Здесь. Порт будет там. А главная площадь – здесь.

Илья снял очки, пристально всмотрелся.

– Логистически безупречно. Есть пресная вода? – Он указал на густую зелень.

– Должна быть. Проверим.

Они спустились к ручью. Илья зачерпнул воду.

– Идеальна. Здесь и будет источник для города.

В этот момент из леса вышла крупная птица с ярким оперением. Она сделала широкий круг над бухтой и скрылась в лучах солнца.

– Хорошее предзнаменование, – улыбнулся Роман.

– Не предзнаменование, – поправил Илья, надевая очки. – Первый гражданин. Неразумный, но свободный.

Они поместили место будущей площади крупным камнем. Первые метки цивилизации.

Вечером они отправили первое зашифрованное сообщение на материк: «Земля обретена. Фундамент заложен. Готовьтесь к призыву. Ждите инструкций. ДСР живёт».

Ответ пришёл через час от Боровика: «Ждал. Готов. Когда?».

Илья продиктовал ответ, и в его обычном голосе впервые прозвучала твёрдая уверенность, граничащая с властью: «Скоро. Обеспечьте тишину. Добро пожаловать в историю».

Первая глава их истории подходила к концу. Архипелаг «Спящий дракон» перестал быть точкой на карте. Он стал судьбой.

Глава 2: Первый Совет

Месяц на архипелаге «Спящий дракон» был прожит циклами труда. Солнечные панели образовали поле. Дизель-генератор гудел в боксе. Палатки сменились сборными домиками. Один стал штабом с картами и сейфом для Конституции. Второй – жилым модулем.

Илья превратил свой угол в командный пункт. Стены завешаны снимками, схемами. Его очки лежали на столе. Тёмно-карие глаза видели данные, риски. Его ровный голос отдавал приказы через расчёты.

Роман жил снаружи. Его руки покрылись мозолями. Он не носил очков. Его светло-серые глаза впитывали каждый луч, будто ощущая душу места.

Именно Роман обнаружил грот в скалистом мысу, скрытый лианами. Просторный зал с высоким сводом, где журчал источник.

– Склад. Убежище. Или святилище.

Илья обследовал пространство.

– Температура постоянная. Влажность низкая. Идеально для архива. Для того, что должно пережить века.

Грот стал сакральным ядром ДСР. Его назвали «Каменным Капитулом».

Но главным событием стало Прибытие.

Они приходили тайно. Каждого встречали на уединённом пляже, проверяли и переправляли в «Примакорт».

Первым сошёл на песок Мирон Боровик – «Дуб». Коренастый, с тихим басом. Его определили на организацию порта.

За ним – Алиса Строгова. Женщина с взглядом, острым как лезвие. Её местом стала разработка кодексов.

Герман Астафьев, эпидемиолог, прибыл, не выпуская чемоданов с книгами. Его лабораторию обустроили в чистом модуле.

Никита Ветров, энергетик, с первого дня пропадал у дизеля. Софья Макарова ушла в леса за образцами почвы.

Они были разными. Уставшими. Но в их глазах, когда Илья и Роман показали им Конституцию, загорелся огонь цели.

Через три недели на острове было двадцать три человека. Ядро.

В ночь полнолуния Илья и Роман собрали их на площадке будущей площади.

– Завтра мы проведём первое собрание как Государственный Совет ДСР, – сказал Роман. Тишина была абсолютной.

– Цель – ваша легитимация, – вступил Илья. – Мы предложим вам занять места в Совете. И вы примете присягу.

– А если кто-то откажется? – спросил Артем Криптов, гений шифрования.

– Тогда он останется гражданином, но не членом Совета, – ответил Илья. – Его место займёт другой. Сейчас нас двадцать три. Семь мест вакантны.

– Каков первый порядок работы? – спросила Строгова.

– Первое – утверждение списка и присяга, – сказал Роман. – Второе – чрезвычайные полномочия Диархии на год. Третье – распределение обязанностей.

– Чрезвычайные полномочия? – насторожился Боровик.

– Диархии, – чётко произнёс Илья. – На год. С правом продления с одобрения Совета. Всё по Конституции.

В толпе прошёл ропот осмысления.

– Завтра в полдень, в Каменном Капитуле, – закончил Роман.

На следующее утро погода стояла идеальная. К полудню у входа в грот собрались все. Внутри горели фонари, освещая пьедестал с Конституцией и флагом ДСР – тёмно-синим полотнищем с белым кругом, где был стилизованный меч, обвитый ветвью кипариса.

Илья, без очков, сделал шаг вперёд.

– На основании права основателей предлагаем гражданам занять места в Государственном Совете первого созыва.

Он начал зачитывать имена.

– Мирон Боровик...

– Алиса Строгова...

– Герман Астафьев...

– Никита Ветров...

– Софья Макарова...

– Артем Криптов...

Когда последнее имя отзвучало, вперёд шагнул Роман.

– Присяга. Кто не готов – шаг назад.

Никто не дрогнул.

Роман поднял правую руку. Все последовали.

– Я, (имя), вступая в Государственный Совет, торжественно клянусь служить народу и закону ДСР, хранить и защищать её Конституцию...

Двадцать три голоса слились в гул:

– ...руководствоваться в решениях долгосрочным благом государства...

– ...принять в случае измены суд Совета и суд собственной совести...

– **КЛЯНУСЬ!**

Эхо катилось под сводами.

– Совет учреждён, – провозгласил Илья. – Переходим к первому вопросу: чрезвычайные полномочия Диархии.

Строгова потребовала огласить проект. Илья зачитал текст. Началось голосование. Каждый подходил, говорил «за» и ставил подпись. Ни одного «против».

– Резолюция принята, – объявил Роман. – Распределение обязанностей. Мирон Боровик – Комитет обороны и инфраструктуры. Алиса Строгова – Правовой комитет. Герман Астафьев – Комитет здравоохранения. Никита Ветров – Энергетический комитет. Софья Макарова – Комитет сельского хозяйства. Артем Криптов – Комитет связи.

Вопросов не было. Была решимость.

Люди вышли на свет другими. Не гражданами, а правителями.

Глава 3: Испытание на прочность

Следующие шесть месяцев стали для Демократическо-Спартанской Республики временным экзаменом. Государство, которое до этого существовало лишь в Конституции и в строительных чертежах Ильи, было вынуждено столкнуться с грубой материей реальности. И реальность задавала свои, порой жестокие вопросы.

Первый удар пришёл не с моря, как ожидали, а с неба. Вернее, из космоса – в виде файла, присланного на зашифрованный ящик Ильи от его контакта в одном из европейских аналитических центров. В прикрепленном отчёте, под грифом «CONFIDENTIAL», архипелаг «Спящий дракон» был обведен красным кружком. Сопроводительная записка была лаконична: «Ваш «ничейный» участок попал в поле зрения геологоразведочного спутника нового поколения. Аномальные магнитные аномалии, характерные для редкоземельных элементов. Через три месяца – официальная публикация данных. После – очередь за корпорациями и флагами».

Илья прочитал сообщение, снял очки и протёр переносицу. Его обычный голос, когда он позвал Романа, звучал не обеспокоенно, а констатирующе, как врач, сообщающий диагноз.

– У нас есть девяносто дней, – сказал он, поворачивая монитор. – Потом сюда придут те, кто сильнее нас. С фрегатами, лицензиями и частными армиями.

Роман, только вернувшийся с инспекции новой ветряной фермы, молча изучил документ.

– Редкоземельные элементы, – произнёс он, и в его глазах мелькнуло нечто, похожее на азарт. – Значит, мы не просто робинзоны. У нас есть ресурс. Тот самый «крюк», за который нас захотят вытащить из истории. Значит, нужно стать слишком крепким орешком, чтобы его было выгодно раскалывать.

Решение было принято без долгих дискуссий. Илья отправил серию срочных заказов через цепочку подставных фирм. Заказ был специфичен: не оружие, а технологии пассивной защиты, системы глушения связи и навигации, материалы для маскировки. Всё, что могло превратить остров в «слепую зону» на радарх и экранах. Пока шли эти приготовления, Роман собрал экстренный Совет.

Зал заседаний в Доме Совета, с его дубовым столом на тридцать мест, впервые был заполнен почти полностью. Двадцать семь членов Совета смотрели на большую карту архипелага, на которую Илья проецировал тревожные данные. Мирон Боровик («Дуб») сидел, сцепив мощные руки, его басок звучал первым:

– Значит, будем обороняться. Мои ребята уже наметили узкие места для береговой артиллерии. Но против фрегата или авиации... это каменный век.

– Мы не будем воевать с фрегатом, – спокойно парировал Илья. – Мы сделаем так, чтобы фрегату было здесь нечего делать. И незачем подходить. Наша цель – не победить в бою, а сделать цену возможного захвата неприемлемо высокой. Экономически, политически, медийно.

– Как? – спросила Алиса Строгова, её юридический ум искал лазейку в безвыходной, казалось бы, ситуации.

– Легитимность, – ответил Илья. – Мы должны перестать быть бандой скваттеров на необитаемом острове. Мы должны стать *де-факто* государством в глазах мирового сообщества. Иметь свою валюту, паспорта, дипломатическую переписку. Быть субъектом, с которым нужно договариваться, а не просто захватывать.

Именно тогда впервые публично заговорил Константин Ланг, дипломат, занявший 25-е место в Совете. До этого он вёл себя как тень, изучая протоколы и карты.

– Есть процедуры, – сказал он своим мягким, отшлифованным в канцеляриях голосом. – Непризнанные государства существуют десятилетиями. Тайвань, Северный Кипр, Абхазия. Их признают не все, но с ними вынуждены считаться. Нужно создать факты. Провести перепись населения, выпустить первые паспорта, определить экономическую зону, возможно, даже провести символические «выборы» под наблюдением лояльных нам внешних наблюдателей. И, что критически важно, найти покровителя. Хотя бы одного. Страну, которой будет выгоден наш суверенитет здесь.

– Выборы, – усмехнулся Роман. – У нас же их, по сути, и нет.

– Но они прописаны в вашей блестящей Конституции, – парировал Ланг. – Президент избирается народом из трёх кандидатов от Совета. Значит, нужно создать «народ». Не двадцать семь избранных, а гражданское общество. Уже сейчас у нас есть пятьдесят три человека, не входящих в Совет. Это – электорат. Это – народ ДСР. Мы проведём церемонию. Это будет сигнал.

Так родился «План Легитимизации». Работа закипела с удвоенной силой. Никита Ветров и его энергетики, используя закупленное оборудование, начали монтаж системы радиоэлектронного подавления на самых высоких точках острова – грубые антенны, которые в теории могли «ослепить» спутниковые снимки низкого разрешения и создать помехи для беспилотников. Артем Криптов разрабатывал криптовалюту «Драхма» – внутреннее платёжное средство ДСР, привязанное к запасам пресной воды и киловатт-часам энергии, что делало её уникальной и неинтересной для внешних спекулянтов. Софья Макарова увеличила посевные площади, чтобы продемонстрировать хотя бы пищевую самодостаточность.

Но главным стал демографический рывок. Используя чрезвычайные полномочия, Илья и Роман санкционировали «Вторую волну» заселения. Теперь искали не только гениев-неудачников, но и просто крепких, здоровых людей рабочих специальностей, готовых начать жизнь с чистого листа: строителей, механиков, рыбаков, медсестёр. Их привозили уже не поодиночке, а группами, на арендованном старом грузовом судне. Каждый проходил через жёсткий карантин Германа Астафьева и собеседование, где ему объясняли правила: никакой политики, кроме лояльности ДСР, тяжёлый труд, суровые законы, но и шанс на дом, землю и неприкосновенность личного вклада в общее дело.

К концу третьего месяца население «Примакорта» перевалило за три сотни. Поселение перестало быть лагерем. Это был уже суровый, но обустроенный посёлок с улицами, канализацией, школой в одном из модулей и даже маленькой часовней, которую построил плотник-старообрядец, нашедший здесь пристанище от «суетного мира».

Именно тогда произошёл второй кризис, внутренний. Среди новых поселенцев оказался бывший журналист-расследователь, Кирилл. Он не был строптивым, но его профессиональная привычка задавать вопросы вступила в противоречие с непрозрачностью власти Совета. Он начал вести что-то вроде дневника, расспрашивать людей, составлять свою, альтернативную картину происходящего. Он не критиковал, он просто фиксировал. Но в государстве, которое ещё только училось ходить, любая несанкционированная активность выглядела как саботаж.

Боровик предлагал «тихо убрать проблему» – выслать на том же судне. Строгова настаивала на формальном обвинении в «сборе сведений, составляющих государственную тайну». Профессор Тимур Назаров (место №24) видел в этом исторический момент:

– Мы стоим на распутье, – сказал он на закрытом заседании Диархии. – Спарта убивала илотов, но не своих любопытных граждан. Рим имел трибунов. Мы можем создать контро-

лируемый клапан для пара. Дать ему легальную площадку. Газету. Один лист. Под цензурой Совета. Чтобы он описывал успехи строительства, а не искал щели в стене.

Илья молча слушал, перебирая чётки. Его решение, когда оно пришло, было неожиданным.

– Мы сделаем его официальным летописцем ДСР, – произнёс он. – С доступом к протоколам открытых заседаний Совета. С обязанностью писать историю так, как её видим мы. Но с правом задавать нам, Диархии, три вопроса в месяц. В письменной форме. На которые мы будем обязаны дать письменный же ответ. Эти вопросы и ответы будут публиковаться. Это создаст видимость диалога. И обезвредит его.

Роман скептически хмыкнул:

– А если его вопросы будут неудобными?

– Тогда наши ответы будут гениальными, – ровно сказал Илья. – Это сложнее, чем просто запретить. Но так мы начинаем строить не просто поселение, а культуру. Культуру управляемой прозрачности.

Так в ДСР появилась «Еженедельная реляция» – один лист бумаги, отпечатанный на древнем принтере, где Кирилл описывал прогресс в строительстве порта, урожай в теплицах и давал сухие отчёты о решениях Совета. А внизу, в специальной рубрике «Вопрос Диархии», раз в месяц появлялся его осторожный вопрос («Почему проект опреснительной станции отстаёт от графика?») и такой же сухой, технический ответ Ильи, полный цифр и ссылок на логистические проблемы. Народ был в восторге. У них было своё СМИ. Власть казалась открытой. Система сделала гибкий шаг и устояла.

Кульминацией «Плана Легитимизации» стал День Республики, назначенный ровно через девяносто дней после злополучного письма. К этому времени на острове проживало 327 граждан ДСР. Были напечатаны первые паспорта – строгие синие книжки с гербом (меч и кипарис) и печатью. Была отлита первая партия монет – «драхмы» из алюминиевого сплава с тем же гербом на аверсе и цифрой номинала на реверсе.

Церемония проходила на главной площади «Примакорта». Впервые все граждане собрались вместе. Роман, в простой зелёной рубашке, но с невероятно прямой спиной, зачитал Декларацию о Суверенитете Демократическо-Спартанской Республики. Это был короткий, сильный текст, написанный при участии Ланга и Назарова, апеллирующий к праву наций на самоопределение и «исторической миссии построения общества разума».

Затем Илья, в своём неизменном тёмном пиджаке и с очками в руке, объявил о начале процедуры первых президентских выборов. Как и было предписано Конституцией, Государственный Совет выдвинул трёх кандидатов. Ими стали, по предварительной договорённости: сам Роман (как действующий лидер), Мирон Боровик (как символ обороны и порядка) и Софья Макарова (как символ созидания и связи с землёй). Выборы были тайными, но результаты – предсказуемыми. Роман набрал более 80% голосов. В тот же вечер он принёс присягу как первый всенародно избранный (пусть и в условиях уникального эксперимента) Президент ДСР.

Но главным событием дня стала не церемония, а то, что произошло после. Артем Криптов, по сигналу Ильи, запустил в эфир широкоэвещательное заявление на коротких волнах, повторяемое на нескольких языках. Оно извещало мир о возникновении нового субъекта международного права – Демократическо-Спартанской Республики, провозглашало её нейтралитет и готовность к диалогу. Координаты архипелага не указывались. Сообщение было похоже на бутылку, брошенную в океан.

Ответ пришёл через неделю. Не фрегат, а яхта. Белая, роскошная, под флагом одной европейской страны-микространства, известной своей гибкой дипломатией и банковской

системой. На борт «Примакорта» сошёл улыбчивый мужчина в белом костюме, представившийся частным консультантом по «международному развитию территорий». Его встретили Роман и Константин Ланг.

Переговоры шли три дня. Гость, которого звали господин Фальконе, восхищался порядком, налаженным бытом, «свежим политическим ветром». Он осторожно зондировал почву насчёт «минеральных богатств». Ему так же осторожно, но твёрдо дали понять, что недра – достояние республики и её граждан. В итоге был подписан меморандум. Не о признании, а о «начале диалога» и «намерении изучить возможность установления торговых отношений». Яхта ушла, оставив после себя тонкий след интриги на воде и ящик дорогого шотландского виски в подарок «новым коллегам».

– Это победа? – спросил Роман поздно вечером, глядя, как огни яхты тают в темноте.

– Это отсрочка, – поправил Илья, стоя рядом. – Они нас заметили. Но теперь мы для них не просто точка на карте с ресурсами. Мы – политическая игла с собственным уставом, паспортами и подобием легитимности. Выковыривать такую иглу – неудобно, громко и чревато скандалом. Пока у них есть более лёгкая добыча, они будут наблюдать. У нас появилось время. Год, может, два.

– А что будем делать с этим временем?

– Строить, – просто ответил Илья. – Строить крепость, экономику, традиции. Искать союзников. И готовиться к тому, что однажды эта отсрочка закончится. Потому что закончится она либо нашим признанием, либо десантом на этот самый берег.

Они стояли молча, слушая, как прибой набегает на песок, который они теперь с полным правом могли называть своим. Государство прошло первое, самое опасное испытание – испытание рождением. Оно заявило о себе миру. Мир, пусть с усмешкой и недоверием, кряхтя, подвинулся, освобождая на своей карте крошечное, новое, дерзкое место.

Но все в Каменном Капитуле, где лежала Конституция и протоколы Совета, понимали: детство кончилось. Впереди была взрослая жизнь, полная настоящих угроз, компромиссов и решений, цену которым предстояло узнать. Дракон был разбужен. Теперь ему предстояло либо взлететь, либо быть усмирённым теми, кто пришёл в его мир извне.

ГЛАВА 3: КАМЕНЬ И ЗАКОН

Шёл второй год Демократическо-Спартанской Республики. Время на архипелаге «Спящий дракон» отмерялось не месяцами, а завершёнными стройками, первым урожаем пшеницы в долине и рёвом опреснительных установок. «Примакорт» окончательно перестал быть лагерьем. На месте палаток стояли дома – крепкие, из тёмного камня и лиственницы. Улицы, проложенные по плану Гордеевых, образовывали чёткую сетку, сходясь к центральной площади.

Поселение обрело своё официальное имя – Сомнамбула. Город-лунатик, пробуждающийся на спине Спящего Дракона. Жители между собой называли его короче, теплее – «Була». Это уже был не набор убежищ, а организм с чёткими ритмами: утром – гул на стройках и полях, днём – уроки в школе, вечером – «Беседы» на площади, где профессор Назаров или кто-то из Совета обсуждал с гражданами принципы долга, республики и личной ответственности.

На площади, ставшей естественным форумом, возвышались три ключевых здания, три опоры власти.

Дом Совета. Самое массивное, из грубого тёмного камня. Широкие ступени, тяжёлые двери из морёного дуба. Внутри – зал заседаний, освещённый высокими узкими окнами. Тридцать кресел из тёмной кожи стояли амфитеатром. Два в первом ряду – с более высокими спинками, для Президента и Верховного Советника. У дальней стены, в тени, – пустое тридцатое кресло, обтянутое не кожей, а грубым серым холстом. Напоминание.

Здание Диархии. Более изящное, из светлой лиственницы и тёсаного камня. Здесь, в соседних кабинетах, работали Роман и Илья. Между ними – общая приёмная, где на огромной карте архипелага цветные булавки и флажки отмечали прогресс каждого проекта: зелёные – завершён, жёлтые – в работе, красные – проблема. Здесь же, в сейфе, хранились текущие отчёты и первая партия чешуй.

Суд и Канцелярия. Строгое, без излишеств. Царство Алисы Строговой и её маленькой команды юристов. В подвале – два каменных карцера, сухих и холодных, с толстыми дверями. Никаких тюрем в привычном понимании. Система наказаний, прописанная в первом Уголовном кодексе ДСР, была иной. За мелкие проступки – штраф в чешуях. За серьёзные (кражу, умышленную порчу имущества, дезорганизацию работ) – определение в ТИБ, Трудовую Исправительную Бригаду, на срок от месяца до нескольких лет. Это не было заключением. Это был особый статус. Осуждённый жил в отдельном бараке за чертой города и обязан был выполнять самую тяжёлую, опасную или грязную общественную работу – в каменоломне, на очистных сооружениях, на разборе завалов после штормов. Работал на виду у всех, в спецодежде с нашитой чёрной полосой. Это было и наказание, и полезный для государства труд, и наглядный урок для остальных. За убийство или доказанную измену Республике – единственная высшая мера: Изгнание. В условиях островного государства, вывезенного в нейтральные воды с минимумом провизии, это был почти смертный приговор.

Экономика ДСР, выстроенная экономистом Олегом Ракитиным, была простой, прозрачной и жёстко контролируемой.

Внутренняя валюта: Чешуя (СН) и разменная единица Клык (1 СН = 100 Клык). Не цифровые записи, а физические объекты. Монеты «Чешуя» чеканили из медно-никелевого сплава привезённых запасов, «Клыки» – из переплавленного алюминия. На аверсе «Чешуи» – стилизованный профиль дракона (острова), на реверсе – номинал и ветвь кипариса. Эмиссию целиком контролировал Экономический комитет Совета. Чешуя была жёстко привязана к реальным ценностям: 1 Чешуя = 6 часов стандартной квалифицированной работы = 20 литров гарантированно чистой пресной воды = 3 кВт*ч электроэнергии. Это делало её устойчивой и бесполезной для внешних спекулянтов.

Собственность: Вся земля, недра, леса и прибрежные воды объявлялись неотчуждаемой собственностью Республики. Гражданин мог получить участок в «вечное держание» – построить дом, разбить огород, но не мог продать землю. Дом – да, землю под ним – нет. Все ключевые объекты инфраструктуры (ветряная ферма, опреснитель, мельница, кузница, мастерские) были государственными и управлялись профильными комитетами.

Обязанности и вознаграждение: Каждый совершеннолетний гражданин, кроме членов Совета, обязан был отработать 40 часов в неделю на общегосударственных проектах. За это он гарантированно получал базовый паёк (продукты, предметы первой необходимости), жильё (либо в общежитии, либо на своём участке) и фиксированную зарплату в чешуях. Любая частная инициатива – пошив одежды, ремонт инструмента, изготовление мебели, дополнительные сельхозпродукты со своего участка – не только поощрялась, но и облагалась небольшим, чисто символическим налогом в казну. Это создавало примитивный, но живой рынок услуг.

Социальная структура была жёстко стратифицированной, но, в духе меритократии, с возможностью роста.

Члены Государственного Совета (29 человек). Пожизненно. Неприкосновенны. Освобождены от обязательного физического труда. Их единственная обязанность и привилегия – управление Республикой. Жили в отдельных, чуть лучших домах в центре Сомнамбулы. Получали фиксированное «содержание» от государства, достаточное для достойной жизни, но не для роскоши.

Граждане (к началу года – 514 человек). Ядро общества. Имели полный набор прав: голосовать на выборах Президента (правда, выбирая из трёх кандидатов, предложенных Советом), получить участок в держание, на справедливый суд. Несли основную трудовую и, в случае необходимости, оборонную повинность.

Испытуемые (около 100 человек). Вновь прибывшие по программе переселения. Проходили трёхлетний испытательный срок. Жили в общем, строгом общежитии, работали на самых необходимых и часто тяжёлых участках (первичная расчистка территорий, помощь на стройках, заготовка дров). Получали минимальный паёк и символическую плату. Не имели избирательных прав. После трёх лет безупречной работы, положительных характеристик и успешной сдачи экзамена на знание Законов, истории и принципов ДСР – получали полное гражданство.

Образование и формирование идеологического стержня были поручены профессору Тимуру Назарову и молодому, но гениальному педагогу-новатору Якову Левину, занявшему 29-е место в Совете полгода назад. Школа была единой и обязательной для всех детей от 7 до 16 лет. Упор делался не на гуманитарные дисциплины, а на точные науки (математика, физика, основы инженерии), естествознание (биология, химия, экология), практические навыки (основы медицины, земледелия, строительства) и, конечно, историю – с особым акцентом на устройство античных республик, Спарты и Рима. Каждый вечер, если позволяла погода, на площади разводили общий костёр, и Назаров или кто-то из Совета проводил «Беседу» – дискуссию на заранее объявленную тему: «Что важнее для Республики – личная свобода или общая безопасность?», «В чём долг гражданина?», «Утопия и реальность: можем ли мы построить идеальное государство?». Это была не пропаганда в чистом виде, а закладка общего культурного и гражданского кода, попытка вырастить не просто жителей, а носителей идеи ДСР.

Но истинным чудом второго года стала не социальная инженерия, а Инфраструктура Выживания, спроектированная холодным умом Ильи и воплощённая в поте лица всеми гражданами.

Энергия: На горном хребте встали восемь ветряных турбин, ловившие постоянные морские бризы. Их энергии хватало на все основные нужды города в ясную погоду. На случай штиля в искусственной пещере в скале гудела резервная дизельная электростанция. Солнеч-

ные панели, установленные на крышах всех общественных зданий, давали дополнительную подпитку.

Вода: На берегу, используя избыточную ночную энергию ветряков, работал опреснительный комплекс, превращавший морскую воду в питьевую. С крыш всех домов шла система сбора дождевой воды в подземные цистерны. В скалах был найден и расчищен артезианский источник – последний неприкосновенный запас.

Связь: Внутренняя цифровая сеть на защищённом Wi-Fi покрывала весь город, позволяя координировать работы. Но главным детищем Артема Криптова стала дублирующая проводная сеть связи. В бронированных кабелях, проложенных в траншеях и по опорам, пульсировали данные. Эта сеть соединяла Дом Совета, командные пункты на мысах, казарму Дружины, энергоузлы и Каменный Капитул. Она была неуязвима для любых внешних помех и перехвата. А для внешнего мира существовала система «Тишина» – комплекс маскировки и радиоэлектронного подавления по периметру архипелага. Глушители спутниковой и сотовой связи, генераторы помех для радаров, системы рассеивания теплового излучения – всё это делало «Спящего дракона» мутным, неразборчивым пятном на экранах любых внешних наблюдателей.

Оборона: Её философию сформулировал Боровик: «Мы не будем строить крепость. Мы сделаем так, чтобы каждый камень острова стал крепостью». Были построены вышки наблюдения на всех ключевых мысах, оснащённые камерами с тепловизорами и простыми оптическими приборами. По побережью, в хорошо замаскированных местах, лежали датчики движения. Но главной силой стала «Спартанская лига» – оборонный корпус ДСР. Его ядром была Дружина – 30 человек под личным командованием Мирона Боровика, проходившие постоянные интенсивные тренировки. На их вооружении состояли пять автоматов Калашникова (доставленных в разобранном виде среди первых грузов), две крупнокалиберные снайперские винтовки (одна из которых – грозный «Орсис» калибра 12.7 мм с 80 патронами) и два скоростных катера «Скиф» и «Страж», способные контролировать прибрежные воды. Остальные граждане входили в Ополчение – проходили обязательную военную подготовку по выходным и в случае тревоги должны были по плану занять заранее определённые позиции по периметру Сомнамбулы.

Однажды поздним вечером, когда в Здании Диархии горел лишь один свет, а на столах были разложены графики урожайности и отчёты по энергопотреблению, Роман откинулся на спинку кресла.

– Получается, мы построили не государство, а... очень сложный, хорошо защищённый улей, – сказал он, глядя в потолок.

Илья, не отрывая глаз от схемы энергосетей, где он красным карандашом правил нагрузку, ответил своим ровным голосом:

– Улей – идеальная система. Каждый знает свою функцию. Общее благо превышает личного. И он отчаянно, до последней пчелы, защищает свой мёд. Мы – не улей. Мы – пчеловоды. Совет – это мы, с рамками в руках и дымарём. Мы создали условия, структуру, улей. Теперь нужно, чтобы он работал сам. Чтобы каждая «пчела» чувствовала себя не винтиком, а... со-пчеловодом. Чтобы защищала он не потому, что её заставят, а потому, что это ЕЁ мёд.

– Через эти «Беседы» на площади? Через идеологию?

– Через ответственность и право, – поправил Илья, наконец поднимая взгляд. Его тёмные глаза в свете лампы казались абсолютно спокойными. – Идеология – фундамент. Но жить в фундаменте нельзя. Нужны стены. Права и обязанности – это стены. Завтра вводим новое правило. Каждый гражданин, отработавший в Республике год без взысканий, получает право один раз в месяц внести письменное предложение на рассмотрение любого профильного комитета Совета. Пусть даже бредовое, утопичное, наивное. Но право. Ощущение, что твой голос может что-то изменить. Это сильнее любой пропаганды. Это превращает подданного в гражданина. А гражданин защищает свой дом иначе, чем наёмник или раб.

На следующий день правило было торжественно объявлено на утреннем построении. Эффект превзошёл самые смелые ожидания. Это был не поток безумия или жалоб. Это были десятки, сотни прагматичных, продуманных, а порой и гениальных в своей простоте идей: как усовершенствовать систему сбора дождевой воды с крыш, как модифицировать плуг для каменистой почвы долины, как организовать ротацию на самых тяжёлых работах, чтобы меньше было травм и выше КПД. Система, оставаясь жёсткой и иерархичной сверху, обрела живые, пульсирующие клапаны обратной связи снизу. Люди чувствовали, что их слышат. И это было дороже любой чешуи.

К концу второго года Демократическо-Спартанская Республика представляла собой уникальный и несколько пугающий своим холодным совершенством феномен. Суровое, почти спартанское по быту и дисциплине, но технологически продвинутое сообщество с чёткими законами, устойчивой, самодостаточной экономикой и причудливой, двойственной политической моделью – пожизненная аристократия Совета, уравновешенная диархией основателей и прозрачными, но всё более осязаемыми правами граждан.

Они выкопали колодец, построили мельницу, создали валюту, школу и армию. Они возвели не просто крепость, а Дом. Но каждый, от Романа, смотревшего на карту с планами будущего порта, до последнего Испытуемого, таскавшего камни для новой дороги, понимал простую истину: дом стоит на самом краю мира, на пустынном берегу беззащитного океана. И рано или поздно к этому берегу придут волны из большого, старого мира. Волны дружелюбные, любопытные, алчные или враждебные. И к этой встрече нужно было быть готовым не только ветряками, радарам и «Орсисом», но и чем-то более важным – той самой внутренней спайкой, верой в общее дело, ради которой всё и затевалось. Той самой «чешуёй» доверия, что нельзя было отчеканить в кузнице.

Испытание этой спайки, этой веры и этой стали не заставило себя ждать. Оно пришло с рассветом, вместе с осенним штормовым ветром.

ГЛАВА 4: ИСПЫТАНИЕ НА ПРОЧНОСТЬ

Испытание пришло с севера, предваряемое не только бандами низких, рваных туч, но и тихим, настойчивым писком датчика на одном из терминалов в комнате Артема Криптова. Он дежурил эту ночь, проверяя логи проводной сети. Писк означал: камера на Северном Грифе (так назвали самый дальний мыс) зафиксировала неестественное движение в предрассветных сумерках. Не стаю птиц, не косяк рыб. Металлический объект.

Крипов увеличил изображение, запустил программу анализа. Через десять секунд он уже мчался по ещё темным улицам Сомнамбулы к Зданию Диархии. В шесть утра он ворвался в кабинет, где Илья, как обычно, уже сидел за чашкой чёрного чая, просматривая сводки погоды, а Роман только потягивался, готовясь к утреннему обходу.

– Цель на воде! – выпалил Крипов, слегка запыхавшись. – Два судна. Не наши. Не по расписанию. Идут с северо-востока, без опознавательных огней и флагов. Одно – старый сейнер типа «СРТМ», второе – быстроходный катер «Линхард», возможное вооружение.

В считанные минуты в оперативной комнате под Зданием Диархии собрались Диархия и ключевые члены Совета: Боровик, Строгова, Ланг. На большом экране, куда Крипов вывел картинку с камеры, два тёмных силуэта пробивались через серые, уже начинающие пениться волны. Катер шёл впереди, резво разрезая воду, явно выполняя роль разведчика и охранения.

– Пираты? – первым нарушил тишину Роман. Его голос был спокоен, но в светло-серых глазах, обычно таких открытых, мгновенно зажётся тот самый холодный, стальной блеск, который видели немногие.

– Слишком далеко от обычных пиратских троп, – покачал головой Константин Ланг, его отшлифованный годами в кабинетах голос звучал аналитично. – И поведение не пиратское. Слишком целенаправленный курс. Скорее... искатели удачи. Контрабандисты. Или наёмники. Те, кто ловит слухи на задворках. Возможно, каким-то образом просочилась информация о нашем «ничейном» статусе. Или о специфических грузах, которые мы периодически завозим. Они пришли проверить.

Илья, не отрывая взгляда от экрана, где катер уже скрылся за мысом, а сейнер замедлил ход, спросил ровно, как будто уточняя прогноз погоды:

– Система «Тишина»? Статус.

– Активирована на полную с момента обнаружения, – отчеканил Крипов. – Все наши внешние передатчики заглушены. Спутниковый телефон – только по проводному кабелю в Каменный Капитул. Радарные помехи работают. Мы для них – если они смотрят – слепое и немое пятно. Радио-тень.

– Отлично, – сказал Илья, и в его обычном голосе прозвучало удовлетворение от работы точного механизма. – Значит, они слепы и глухи извне. Но они упрямы и идут почти точно на нас. Значит, ведут их либо старые координаты, либо сейсмический шум наших генераторов, либо просто удача и чутьё волка. Боровик, ваш сценарий?

«Дуб» уже разложил на соседнем столе детальную карту побережья, на которой были обозначены все посты и маркеры мин.

– Нашу главную бухту и подходы к Сомнамбуле они не возьмут – вход слишком узок, фарватер извилист, и мы его густо минировали светошумовыми минами. «Скиф» и «Страж» я

с вечера отвёл в скрытую лагуну на юге, они в полной готовности, экипажи на борту. Если эти гости решат прорваться с моря прямо к городу – встретим их там и устроим ад. Но... – он ткнул коротким, толстым пальцем в точку на карте в трёх километрах к северу от города, – скорее всего, попробуют высадиться здесь. Длинный песчаный пляж «Северное Копыто», скрытый от наших основных вышек скалистым мысом. Идеально для тихой высадки. Спартанская лига будет там. Дружина займёт господствующие высоты здесь и здесь. Пять «калашей» и «Орсис» дадут такую плотность огня, что забудут о чём приплыли. Связь – по проводной линии, их заглушки не сработают. Ополчение подниму по тревоге и займёт позиции по внутреннему периметру, на случай, если прорвутся.

Решение принималось почти мгновенно, без лишних слов. Это была не военная хитрость, а холодная, отточенная логистика, результат сотен часов совместных учений и мозговых штурмов.

– Встречаем их там, – окончательно утвердил план Роман, и его голос приобрёл командные, металлические нотки. – Но без стрельбы на поражение. Первая цель – показать силу, дисциплину и абсолютное преимущество. Дать им шанс уйти, осознав безнадёжность. Демонстрация решимости сейчас важнее первого трупа. Первая кровь меняет всё. Боровик, выдвигайтесь. Займите позиции. «Орсисом» пусть работает Семён, он у нас лучший стрелок, пусть считает себя последним аргументом. Илья и я будем на центральном КП. Ланг, приготовьте мегафон и текст на английском и русском. Строгова, продумайте протокол на случай, если возьмём пленных. Все вопросы?

Вопросов не было. Была тихая, сосредоточенная ярость людей, чей дом попытались потревожить.

Через сорок минут, когда первые бледные лучи солнца только начали пробиваться сквозь рваные облака, Дружина Боровика была уже на месте. Тридцать человек, одетых в самодельный камуфляж из местных материалов, бесшумно рассредоточились среди скал и чахлах сосен над пляжем «Северное Копыто». В самой высокой и незаметной точке, в искусственной каменной нише, устроился Семён – коренастый, молчаливый бывший морпех с татуировкой якоря на предплечье. Перед ним, на специальном станке, лежала «Орсис» – длинная, зловеще-изящная труба смерти. Он методично, с привычной автоматичностью движений, ввинчивал глушитель, проверял крепление мощной оптики ночного видения, уже бесполезной при наступающем рассвете. Восемьдесят тяжелых патронов 12.7×108 мм лежали рядом в матерчатых подсумках. Его задача была проста: не стрелять. Быть последним, неоспоримым, абсолютным аргументом. Тем, чьё появление на горизонте означало бы конец всяких дискуссий.

Внизу бушевало ещё не проснувшееся море, накатывая на пустынный золотистый песок. В пятистах метрах от берега сейнер встал на якорь с глухим лязгом цепи. С его борта спустили две надувные лодки с мощными моторами. В них, ёжась от холода и брызг, сидело десять-двенадцать фигур в тёмной одежде. Катер «Линхард» замер в сотне метров, курсируя, как сторожевой пёс.

– Аматоры, – сквозь зубы пробурчал в микрофон проводной связи Боровик, наблюдая в бинокль. – Строятся в кучку, как на парад. Цепь не растянули, фланги не прикрыли. Идут прямо по пляжу, будто на пикник. Готовность номер один.

Лодки мягко упёрлись в песок. Высадка была нервной, но быстрой. Группа из одиннадцати человек, вооружённых в основном автоматами Калашникова разных модификаций и одним ручным пулемётом ПК, неуверенно двинулась вглубь пляжа, к линии темнеющего леса. Они оглядывались, переговаривались, но в их движениях читалась не осторожность разведчика, а самоуверенность наёмников, считающих, что имеют дело с беззащитными робинзонами.

В оперативной комнате Роман, не сводя глаз с трансляции с беспилотника (тихо запущенного с тыла и кружившего на высоте), увидел, как группа углубилась на достаточное расстояние от лодок. Он взял микрофон внутренней связи.

– Теперь.

На вершине скалы, скрытый камнями, боец Дружины выпустил осветительную ракету. Она с резким шипением описала дугу и разорвалась с оглушительным хлопком прямо над головами пришельцев, ослепительным, почти дневным белым светом озарив пляж, их перекошенные от неожиданности лица и зелёные всполохи в волнах. Люди внизу инстинктивно вжались в песок, замерли в ошеломлённой позе.

И тут же, как по волшебству, по всему периметру пляжа, из укрытий в расщелинах скал и густых кустов, зажглись мощные морские прожекторы. Их сконцентрированные лучи выхватили из утренних сумерек растерянные фигуры, одновременно застилая им обзор вглубь острова. И почти одновременно с трёх разных сторон, из репродукторов, спрятанных в камнях, громко, чётко, без эмоций, на ломаном, но абсолютно понятном английском, а затем на чистом русском, прозвучал записанный голос Константина Ланга:

– Внимание! Вы вторглись на территорию суверенной Демократическо-Спартанской Республики. Немедленно сложите оружие, поднимите руки вверх и ложитесь на землю лицом вниз. У вас есть тридцать секунд, чтобы подчиниться. Любое враждебное действие будет расценено как акт вооружённой агрессии и немедленно подавлено.

Эффект был сокрушительным. На пляже воцарилась тишина, нарушаемая лишь рёвом прожекторов и прибором. Затем началась паника. Кто-то из пришельцев закричал. Их командир, крупный мужчина в потрёпанной камуфляжной куртке, отчаянно закричал что-то в портативную рацию, тыча в кнопку. В ответ – лишь мертвенное шипение помех («Тишина» работала безупречно). Он поднял голову и увидел то, что сломило его волю полностью. На гребне скал, в перекрестьях лучей прожекторов, чётко и неспешно, как призраки, встали во весь рост фигуры людей с примкнутыми штыками автоматов. Не толпа, а дисциплинированная, молчаливая цепь, растянувшаяся вдоль всего пляжа. А со стороны леса, откуда они ждали пустоты, донёсся рёв моторов – это два грузовика с зажжёнными фарами и брустверами из мешков с песком выехали на берег, блокируя единственный путь вглубь острова. И, словно заключительный аккорд, с моря, плавно обогнув скалистый мыс, на полной, почти невероятной для своих размеров скорости вышли «Скиф» и «Страж». Без флагов, с затемнёнными бортами и стёклами, они легли в дрейф в полукилометре от сейнера и надувных лодок, намертво блокируя путь к отступлению по воде. На их палубах отчётливо виднелись фигуры в касках и с автоматическим оружием.

Это был безупречный, отточенный до секунд капкан. Сухопутное окружение, психологический удар светом и звуком, и полная морская блокада. Пришельцы оказались в стальных тисках, созданных неизвестной, но явно превосходящей их силой.

Командир группы, его лицо исказила гримаса ярости и бессилия, швырнул свой автомат на влажный песок. За ним, медленно, словно во сне, последовали ещё двое. Остальные, озираясь на неподвижные силуэты на скалах и мрачные катера, нехотя, но тоже опустили оружие.

– Дружина, вперёд! Группа захвата, обезоружить и обыскать! Группа прикрытия, наготове! – скомандовал в микрофон Боровик, и его бас прозвучал громовым раскатом даже без усилителей.

Операция по зачистке пляжа заняла меньше десяти минут. Одиннадцать потрёпанных, испуганных мужчин (судя по вырвавшимся ругательствам, смеси славянских и кавказских акцентов, а также по примитивным тюремным татуировкам – типичные наёмники с постсоветского пространства) были разоружены, тщательно обысканы, связаны пластиковыми стяж-

ками и построены в колонну. На катере «Линхард», увидев полный провал высадки и два внушительных, явно не рыбацких судна, засуетились, но, получив предупредительную очередь из крупнокалиберного пулемёта по носу (Семён, следуя приказу, бил с ювелирной точностью, оставляя пробоину в сантиметре от ватерлинии), развернулись и дали дёру на полной скорости, бросив своих на берегу. Сейнер, судорожно начавший выбирать якорь, был остановлен «Стражем», подошедшим вплотную. После короткого, резкого диалога через мегафон («Немедленно заглушить двигатели! Следующий выстрел будет по рубке!»), на сейнере сдались. Его экипаж из трёх перепуганных человек (двое матросов и пожилой механик) также был взят под контроль.

Итог: четырнадцать пленных, захваченных без единого выстрела со стороны ДСР. Трофеи: автоматы, патроны, гранаты, рации, катер и сейнер.

Пленных под усиленным конвоем привели в Сомнамбулу, в пустующий складской ангар на окраине. Внутри пахло рыбой и древесиной. Когда вошли Илья и Роман, пленники смотрели на них со смесью животного страха и болезненного любопытства. Они ожидали увидеть бородатых дикарей, фанатиков или бандитов. Увидели двух спокойных, чисто одетых мужчин, один из которых (Илья) изучал их с холодным, отстранённым интересом учёного, разглядывающего необычный экспонат, а другой (Роман) смотрел на них оценивающе и тяжело, как хозяин, на чью территорию без спроса вошли с оружием.

– Кто вас нанял? – спросил Роман без всяких предисловий, его голос прозвучал в тишине ангара как удар хлыста.

– Мы... мы сами, – первым заговорил тот, что был командиром, стараясь придать голосу уверенность. – Услышали байки... что тут остров свободный. Ничейный. Думали, базу под своё дело сделать. Никого не трогать...

– Лжёте, – ровно, без повышения тона, перебил его Илья. Он стоял, засунув руки в карманы простой тёмной куртки, и его взгляд скользнул по их однообразному, но качественному снаряжению. – У вас штатное, не самопальное снаряжение. Катер «Линхард» – дорогая штука для «самих». Ишли вы слишком точно. Последний шанс: кто, зачем и откуда у вас координаты?

Давление тишины, спокойствия и абсолютной уверенности этих двоих сломало сопротивление быстрее, чем поединок. Командир, его плечи обвисли, сдался.

– Нас наняли... через трёх посредников. Сказали – проверить участок. Есть ли там люди. Если есть – оценить численность, вооружение, уровень организации. В случае слабого сопротивления – зачистить и закрепиться. Координаты дали приблизительные, но с точностью до пяти миль. За работу – пять тысяч в крипте на человека авансом.

– Кто нанял? – одним словом, как гвоздь, вбил Роман.

– Не знаем, клянусь! Контракт шёл по цепочке. Связь – одноразовые телефоны, сбрасываемые после сеанса. Заказчик... мог быть кем угодно. Конкурирующая фирма, частное лицо с деньгами, может, даже какая-то контора, которая землями торгует... Мы – инструмент. Нас кинули на разведку боем.

Илья и Роман молча обменялись взглядом. Это было даже хуже, чем прямая атака враждебного государства. Это был зондаж. Кто-то на материке, обладающий деньгами, связями, но не желающий светиться, отправил тестовый, расходный зонд. И этот зонд с треском провалился, попав в лапы к гораздо более организованной силе.

Решение о судьбе пленных выносил полный состав Государственного Совета на экстренном заседании в Доме Совета. Атмосфера была напряжённой, серьёзной. Строгова, опира-

ясь на свежепринятый Уголовный кодекс, настаивала на принципе: они – наёмные агрессоры, захваченные с оружием в руках на суверенной территории. По статье «Вооружённое вторжение» единственная адекватная мера, не считая высшей – пожизненный ТИБ. «Они должны до конца дней своих дробить камень для наших дорог, чтобы каждый видел цену вторжения», – говорила она, и её голос звучал как удар судейского молотка.

Боровик, сидевший, сцепив мощные руки, мрачно предлагал более жёсткий и, с его точки зрения, прагматичный вариант: «Оставить в живых одного, самого болтливого. Остальных тринадцать – к дракону в пасть. Быстро, чисто, без шума. И отправить того одного на сейнере обратно, может, с видеозаписью. Чтобы знали, что здесь не играют. Чтобы следующий думал десять раз».

Профессор Назаров, бледный, но собранный, говорил о моральном выборе, о демонстрации силы через контролируемое милосердие, о том, что Республика должна отличаться от тех, кто послал этих людей. «Мы строим не бандитскую базу, а государство. Даже к инструментам надо относиться соответственно. Но инструмент должен быть обезврежен».

В итоге, после трёх часов жарких, но конструктивных дебатов, где каждый аргумент взвешивался на весах целесообразности и принципа, победила сложная, многослойная стратегическая логика Ильи, которую на заключительном голосовании озвучил Роман:

– Граждане члены Совета. Мы поступим не по варварским законам их мира, где жизнь – разменная монета. Мы поступим и не по слабому милосердию, которое сочтут за слабость. Мы поступим по нашим законам, которые мы здесь пишем. Мы – государство, которое защищает себя и одновременно формирует правила игры для всех, кто смотрит на нас. Поэтому решение следующее. Мы отпустим двоих: командира группы и того самого молодого пацана, что, по данным нашего допроса, был завербован буквально неделю назад из портовой шпаны и в перестрелку даже не вступал. Они запомнят наизусть и передадут наш текст-послание. Остальные двенадцать – признаются виновными в вооружённом вторжении на территорию ДСР и определяются в ТИБ на каменоломни сроком на десять лет. Через десять лет, если Республика будет существовать и сочтёт возможным, они смогут подать прошение о помиловании и остаться здесь уже как испытуемые, с нуля. Так мы покажем три вещи: силу, закон и возможность искупления через труд. Но цену за агрессию установим очень высокую. Голосуем.

Решение было жёстким, суровым, но не кровавым. Оно прошло с перевесом в два голоса. Утром следующего дня командира и юного наёмника под усиленным конвоем вывели к отремонтированному сейнеру. Им вернули личные вещи (без оружия и техники), выдали строго отмеренный недельный запас воды и галет, вручили карту с отмеченным нейтральным торговым путём в сотне миль от архипелага. Константин Ланг в последний раз, глядя им в глаза, заставил повторить текст-послание, который они должны были передать: «Территория Демократическо-Спартанской Республики находится под нашей защитой. Любое незаконное проникновение будет пресечено. Мы не ищем вражды, но любой агрессор будет обезврежен и осуждён по нашим законам. Диалог возможен исключительно через официальные, предварительно согласованные каналы». Сейнер, теперь с двумя подавленными и напуганными людьми на борту, медленно, словно нехотя, вышел из бухты и скрылся за горизонтом.

Остальных двенадцать человек, под строгим конвоем Дружины, пешим маршем повели на каменоломню в северной части острова. Им выдали простую серую робу из грубой ткани с большой, чёрной, хорошо видимой полосой, нашитой на спине – знак ТИБ. Их первый день в новой, десятилетней жизни начался с разбивания крупных валунов на щебень для фундамента будущей дороги к ветрякам. Под присмотром вооружённых ополченцев, под безразличным взглядом чаек.

Вечером того же дня на площади Сомнамбулы собрались почти все граждане и испытуемые. Не по приказу, а по зову. Роман, стоя на широких ступенях Дома Совета под первыми, яркими звёздами, говорил без пафоса, громко и чётко, чтобы слышал каждый:

– Сегодня к нашему дому пришли чужие. С оружием. С дурными намерениями. Мы не спрятались. Мы не испугались. Мы вышли и встретили их. Но мы ответили не слепой жестокостью, а силой закона. Нашего, общего закона. Мы могли перебить их всех. Мы могли отпустить, чтобы они вернулись с друзьями. Мы поступили иначе. Мы показали, что здесь, на этом камне, есть Порядок. Жёсткий. Справедливый. Неумолимый. Порядок, который защищает ваш труд, ваши дома, ваших детей и ваше будущее. И он стоит того, чтобы его защищать. Не только мне, или Совету, или Дружине. Вам. Каждому из вас. Потому что если сегодня мы дрогнем, если покажем слабинку – завтра сюда придут те, у кого нет закона. Только жажда чужого. Запомните этот день. Это не день победы в войне. Это день, когда Демократическо-Спартанская Республика перестала быть просто идеей, чернилами на бумаге или мечтой у костра. Она стала фактом. Железным фактом. Для них. И, что в тысячу раз важнее, – для нас самих.

Люди слушали, затаив дыхание. Не было ликования, не было страха. Была тяжёлая, взрослая, суровая уверенность. Они увидели воочию, что созданная ими система, этот странный сплав древних идей и современных технологий, работает. Что она может постоять за себя и за них. В прохладном вечернем воздухе, пахнущем морем и дымом очагов, витало новое, незнакомое ранее, но крепко входящее в душу чувство – не просто общность робинзонов, выживающих вместе, а гражданственность. Чувство принадлежности к чему-то большему, что имеет цену, границы, законы и готово эти границы и законы защищать. Чешуя доверия к власти, отлитая не в металле, а в сегодняшнем дне.

Поздно ночью, когда огни в окнах Сомнамбулы начали гаснуть, Илья и Роман вновь поднялись на командный пункт на самом высоком холме. Внизу город светился редкими, но ровными точками – дежурное освещение, прожекторы на вышках. Море было огромным чёрным бархатом, усыпанным алмазной россыпью звёзд.

– Они передадут, – тихо сказал Роман, его взгляд был устремлён туда, где исчез сейнер.

– Несомненно, – так же тихо ответил Илья, сняв очки и протирая линзы краем рубашки. – И тогда для нас начнётся следующая, гораздо более сложная фаза. Кто бы ни стоял за этим зондом, он получит чёткую информацию: здесь не дикари, не сектанты и не пиратская база. Здесь организованная сила с чёткими, пусть и странными, правилами игры. Следующий визит будет иным. Либо с деловым предложением и контрактом, либо с десантом совсем другого, профессионального калибра.

– Мы готовы к этому? – спросил Роман, обернувшись к нему.

Илья не ответил сразу. Он снова надел очки и посмотрел в темноту, где море сливалось с небом.

– Готовы? – Он слегка усмехнулся, но в усмешке не было веселья. – Мы никогда не будем готовы полностью, Роман. Но мы стали крепче. Сегодняшний день сплотил этих людей больше, чем сто «Бесед» Назарова. Они не просто услышали о государстве – они увидели, что оно работает. Что оно – это их безопасность, их труд, их закон. Это самый прочный фундамент, который мы могли заложить. Теперь... теперь нужно продолжать строить. Укреплять. Учить. И ждать. Потому что игра только начинается.

Они стояли рядом, два тёмных силуэта на фоне немыслимо огромного звёздного неба. Крошечная, дерзкая республика на краю географической карты только что прошла своё боевое крещение. Она не ответила на удар слепым ударом, а навязала агрессору свою волю, свой суд и свою меру наказания. Она заставила его заплатить за вторжение не кровью, которая рождает только месть, а годами жизни, отданными на её же строительство.

Дракон не просто проснулся и оскалился. Он показал, что у него есть не только клыки и когти, но и холодный, расчётливый разум. И, что самое главное – в его каменном, казалось бы, сердце уже бился общий, набирающий силу пульс сотен людей, которые этот разум и эти клыки готовы были защищать как своё.

Первая битва была выиграна без единого выстрела на поражение. Но оба правителя, стоявшие в ночи, понимали с ледяной ясностью – это была только первая репетиция. Настоящее испытание было ещё впереди.

ГЛАВА 5: КУЗНИЦА И ЩИТ

После «Беседы о цене вторжения» в Демократическо-Спартанской Республике началась новая эпоха. Если первые два года были временем основания, обустройства быта и создания каркаса законов, то теперь началась работа по наращиванию мышц на этом каркасе. Прошлый инцидент был не просто уроком – он был диагнозом, указанным на слабые места и создавшим новый, жёсткий темп.

В Здании Диархии на большой карте появились новые пометки, но теперь не только строительные. Красным контуром был обведен весь архипелаг «Спящий дракон». Это был новый периметр. Периметр обороны.

Идею высказал Боровик на Совете, и его поддержал не только Илья, но и, что было важнее, Роман, увидевший в этом стратегический смысл.

– Мы защищаем Сомнамбулу. Хорошо. Но архипелаг – это не один остров. Это наш дом целиком. Если враг высадится на малом острове, поставит там радар или ракетную установку – мы в ловушке. Нужно видеть всё. Каждый камень. Каждую бухту. «Спартанская лига» должна стать глазами и когтями Дракона на всей его территории.

Так родился «Проект Всевидящее Око». Работы велись в два потока. Первый – инженерный, под руководством Артема Криптова и Гордеевых. На всех обитаемых и ключевых необитаемых островах архипелага началось возведение вышек нового поколения. Это были не просто мачты с камерами. Это были укрепленные пункты. Небольшие, вкопанные в скалу сооружения из камня и бетона, на которых устанавливались:

Панорамные камеры высокого разрешения с трансфокаторами и ночным видением.

Пассивные акустические датчики, улавливающие шум моторов или голосов за километры.

Компактные метеостанции.

Солнечные панели и ветряки для автономного питания.

Узлы защищённой проводной связи, которые тянулись по дну мелководных проливов, связывая острова в единую нервную сеть.

Каждая вышка получала свой позывной, связанный с мифологией Дракона: «Око Фифнира», «Чешуя Глаурунга», «Зрачок Смауга». Данные со всех вышек в реальном времени стекались в новый, расширенный Командный центр, вырубленный в скале под Домом Совета. Теперь на огромной светящейся карте в центре зала не просто горели точки – по ней в режиме реального времени двигались отметки океанских течений, сила и направление ветра, тепловые сигнатуры. Любое судно, приближавшееся к архипелагу на двадцать миль, теперь фиксировалось как минимум тремя постами.

Второй поток был человеческим. Дружину Боровика расширили с 30 до 60 человек. Отбор был жёстче, чем в Совет. Брели не просто сильных – брали умных, выносливых, с аналитическим складом ума, способных неделями действовать в автономном патруле. Новый отряд получил название «Крылья». Он был разделён на три мобильные группы по 20 человек, каждая со своей специализацией: «Северное Крыло» – дальнейшее патрулирование на катерах; «Южное Крыло» – диверсионно-разведывательные группы; «Центральное Крыло» – резерв и защита Сомнамбулы. Боровик оставался главным стратегом, но каждым «Крылом» теперь командовали его лучшие ученики.

Именно в ходе этого масштабного строительства и случилось открытие, которое предстояло изменить экономику ДСР.

Работа по возведению вышки «Коготь» на скалистом южном мысу была одной из самых сложных. Бригадой плотников руководил гражданин Лев Коваль, а среди его людей был Глеб Михеев – испытываемый второго года, тихий, наблюдательный мужчина лет сорока. В прошлом – учитель географии из провинциального городка, страстный геолог-любитель, разочарованный системой, где его знания никому не были нужны.

Однажды, прокладывая кабель в обход крутого склона, Глеб остановился перевести дух. Взгляд упал на осыпь у подножия скалы – груды камней, обнажившихся после недавнего ливня. Что-то зацепило его профессиональное чутьё. Он спустился, поднял несколько бурых, рыхлых на вид камней. Необычно тяжелые. На сколах – чёрные и ржаво-охристые прожилки. Он поскоблил один ножом. Под рыхлой коркой – плотный, металлически блестящий слой. Сердце ёкнуло. Он знал эту породу.

Не теряя времени, Глеб отыскал Ковалья.

– Лев Петрович, нужно срочно отлучиться. К Верховному Советнику.

– По какому вопросу? – нахмурился прораб.

– По вопросу... государственной важности. Обещаю.

Коваль, зная, что Михеев не паникёр, кивнул. Через час Глеб, запачканный глиной, но с тщательно завернутым в тряпицу образцом, стоял перед Ильёй. Илья, не перебивая, выслушал его сбивчивый, но полный профессиональных терминов рассказ, рассмотрел камень под мощной лупой.

– Вы утверждаете, что это лимонит? Бурая железная руда? – спросил он своим ровным голосом.

– Не утверждаю на сто процентов без анализа, гражданин Советник. Но по всем внешним признакам – да. И обнажение значительное. Это может быть верхняя часть пласта.

Илья тут же вызвал Софью Макарову. Вместе они выслушали Глеба ещё раз. На следующий день на место с экспедицией отправились Макарова, Глеб и два бойца Дружины. Предварительная оценка, проведённая Михеевым под её наблюдением, подтвердила догадку: обширное, доступное для открытой разработки месторождение бурого железняка удовлетворительного качества.

На ближайшем заседании Совета Илья вынес этот вопрос первым пунктом. После доклада Макаровой и краткого, но исчерпывающего выступления самого Глеба, в зале повисла значимая пауза. Затем Илья взял слово.

– Согласно принципу меритократии и Статье 7 Конституции, гражданин, внёсший исключительный вклад в благополучие и развитие Республики, может быть рассмотрен как кандидат для кооптации в Государственный Совет. Открытие стратегического ресурса, которое способно изменить экономику ДСР, безусловно, является таким вкладом. Я вношу предложение: присудить гражданину Глебу Михееву немедленное полное гражданство за проявленную бдительность и компетентность. И выдвинуть его кандидатуру для занятия одного из вакантных мест в Совете, с закреплением за ним сферы геологии и первичной добычи полезных ископаемых.

Предложение было поставлено на голосование. За – единогласно. Даже Боровик, скептически относившийся к «кабинетным ученым», кивнул: железо для оружия и инструментов перевешивало любые предубеждения. Это был момент истины для системы, созданной Ильёй

и Романом. Она доказала, что работает не как закрытый клуб, а как живой организм, способный заметить и возвысить достойного из самой толщи народа.

Через неделю, после короткой, но торжественной церемонии в Доме Совета, Глеб Михеев принёс присягу и занял своё кресло. Он стал тридцатым членом, но не последним – он занял одно из вакантных мест. Пустое кресло у стены осталось нетронутым, как вечный символ. Сам Михеев, в чистой, но простой рубашке, сидел, немного оглушённый происходящим, но в его глазах горел тот же огонь ответственности, что и у остальных. Его компетенция, наконец, нашла настоящее применение.

Теперь, имея в Совете специалиста, работа пошла с новой силой. На следующем же заседании Михеев, уже как полноправный член, положил на стол подробный отчёт и несколько образцов.

– Это не просто россыпь, – говорил он, уже увереннее. – Это пласт. Мощностъ от двух до пяти метров, протяжённость по склону – не менее трёхсот. Качество руды удовлетворительное, содержание железа предположительно 35-45%. Для начала нам даже не нужна глубокая шахта – карьер. Это меняет всё.

Но сталью не удержать территорию, если за ней нет прочного хозяйственного тыла. Пока «Крылья» и инженеры возводили вышки, а геологи оценивали руду, в долинах и цехах кипела другая работа.

Софья Макарова, выступая в тандеме с новым коллегой, доложила о параллельных успехах:

– С почвой эксперименты удались. Урожайность на опытных участках выросла на сорок процентов. Этого хватит, чтобы не только прокормиться, но и создать резерв. И ещё... – она достала несколько стеблей с коробочками. – Дикий лён. Его здесь целые поля. Мы можем наладить производство простейшей ткани. Своего, грубого полотна.

Роман и Илья обменялись взглядом. В этом взгляде читалась целая стратегия.

– Значит, у нас появляется основа для реальной экономической автономии, – произнёс Илья. – Железо, продовольствие, ткань. Примитивно, но своё. Это снижает зависимость от внешних поставок. Но одного сырья мало. Нужны мозги и руки для его обработки.

Так началась вторая фаза «Проекта Ткач» – программы целевого привлечения специалистов. Теперь искали узких профессионалов: геолога-металлурга для организации первой плавки, текстильщика-технолога, судостроителя-плотника, врача-хирурга. Одновременно объявили «Программу двух специальностей». Каждый гражданин, помимо основной работы, должен был освоить базовый курс одной из критически важных профессий: металлообработка, ткацкое дело, углубленная медицина, радиодело. Учили всех. Роман лично пришёл на курс кузнечного дела и три вечера подряд, обливаясь потом, ковал гвоздь под присмотром старого мастера. Этот жест оценили.

Сомнамбула росла вглубь. Появился Промышленный квартал на восточной окраине: кузница с двумя горнами (один на древесном угле, второй – экспериментальный, на коксе из местного угля, найденного Михеевым в тех же слоях), цех по первичной обработке льна, столярные и слесарные мастерские. Всё было примитивно, собрано из того, что привезли и нашли, но это было своё. Запах раскалённого металла, дёгтя и свежестроганой древесины стал новым запахом Республики.

Но самым важным стал не железо и не лён. Стал код. Не цифровой, а человеческий. После инцидента с наёмниками и истории с возвышением Михеева, в обществе произошла метаморфоза. Исчезло последнее ощущение временности. Люди, видевшие, как работают их суд, их закон, их социальный лифт, начали по-настоящему отождествлять себя с ДСР. На «Беседах»

голоса звучали увереннее, вопросы становились глубже. Профессор Назаров, анализируя это, сказал Илье: «Раньше они верили в вашу идею. Теперь они начинают верить в свою общность. Это качественный скачок. Из поселенцев они превращаются в нацию. Маленькую, странную, но нацию».

Именно в этот момент Илья вынес на обсуждение Диархии и узкого круга Совета самый рискованный план.

– Мы достигли внутреннего предела, – сказал он, раскладывая графики. – Мы можем быть самодостаточны в еде, в простейших товарах, в обороне от мелких угроз. Но мы застрянем в развитии, если останемся в полной изоляции. Нам нужны технологии, которые мы не можем украсть, купить или изобрести заново. Нам нужен... выход на периферийные, но легальные рынки. Чтобы продавать что-то уникальное и покупать необходимое.

– Что мы можем продать? – спросил Роман. – Руду не повезём – демаскировка.

– Информацию. И статус, – спокойно ответил Илья. – Мы – terra incognita. После истории с наёмниками о нас, возможно, уже пошли слухи. Мы можем остаться в роли загадочной секты, дожидаясь, когда придут проверить по-серьёзному. Или... мы можем сами предложить миру выгодную нам роль. Нейтральная, закрытая, высокотехнологичная зона для специфических исследований и абсолютно секретных переговоров.

Идея была наглой и гениальной. Используя свою полную изоляцию и репутацию «крепкого орешка», ДСР могла бы предложить себя в качестве сверхсекретного полигона или площадки для встреч тем, кому важна абсолютная конфиденциальность. Частным корпорациям, исследовательским институтам. За огромные деньги и поставки конкретного высокотехнологичного оборудования.

– Это безумие, – сказал Ланг. – Это втянет нас в игры, которые мы не понимаем.

– Это вовлечёт нас в игры на наших условиях, – поправил Илья. – Мы не будем наёмниками. Мы будем арендодателями. На нашей земле, по нашим правилам. Один контракт на разработку новых систем опреснения может дать нам установку, которую мы сами не построим и за десять лет. Мы меняем нашу географическую изоляцию на товар. Наш суверенитет – на ресурс для развития.

Обсуждение было долгим. Строгова опасалась правовых последствий. Боровик – угрозы безопасности. Но в итоге логика Ильи, подкреплённая чёткими протоколами (все контрагенты – только через проверенных посредников, только на отдалённом острове «Глаз», под круглосуточным наблюдением «Крыльев»), победила. Решили начать с осторожных зондирований.

Пока вершилась большая политика, в жизни Сомнамбулы были малые победы. В кузнице отковали первый полностью местный инструмент – тяжёлый лом из выплавленного в примитивной вагранке чугуна. На ткацком стане получили первый рулон грубого, но прочного льняного полотна. В скальном погребке заложили рекордный урожай картофеля.

А однажды утром в Командный центр поступил сигнал с вышки «Зрачок Смауга». Камера зафиксировала не судно, а огромного альбатроса, который сел на скалу. К его лапе была прикреплена капсула. Бойцы «Северного Крыла» доставили трофей: водонепроницаемый алюминиевый контейнер с микрочипом внутри. Криптов, изолировав его, считал данные. Это было письмо.

Короткое, зашифрованное сообщение от того самого господина Фальконе.

«Уважаемые соседи. Ваши методы... впечатляют. Ваша дисциплина вызывает уважение. Возможно, у нас найдётся тема для взаимовыгодного обсуждения, в духе полной дискретности. Канал остаётся открытым. Ждём сигнала. F.»

Птичья почта. Архаично, но безумно надёжно в эпоху тотальной цифровой слежки. Илья, получив распечатку, долго смотрел на неё, а затем отнёс в Каменный Капитул и положил в отдельную нишу. Это было первое невраждебное, осторожное касание внешнего мира. Касание, которое искали

они сами.

На «Беседе», посвящённой теме «Самообеспечение vs. интеграция», Роман, выступая перед народом, сказал ключевую фразу:

– Мы стоим на пороге. Мы можем замкнуться в своей скорлупе, стать крепким, но маленьким миром, который рано или поздно кто-то раздавит просто потому, что может. Или мы можем осторожно, с умом, на своих условиях, начать протягивать щупальца во внешний мир. Не для того, чтобы покорить его. Для того, чтобы учиться, расти и сделать нашу скорлупу такой прочной, что раздавить её будет невозможно. Выбор – не только за нами. Он – за каждым из вас. Потому что любое решение мы будем выполнять вместе.

Люди слушали, и в их глазах не было страха. Было понимание. Они прошли путь от выживания к созиданию. Теперь им предстоял путь от созидания к стратегии. Их маленькая, выкованная из камня, стали и общей воли республика готовилась сделать свой первый, крайне осторожный шаг на большую шахматную доску. Они ещё не знали правил игры. Но они твёрдо знали, что будут играть только своими фигурами и на своей половине доски. А для начала игры нужно было лишь одно – правильно ответить на письмо, принесенное птицей.

Глава 6: Камень, сталь и олени тропы

Шел третий год Демократически-Спартанской Республики. Сомнамбула, город-лунатик, уже не просто бодрствовал на спине Спящего Дракона – он жил напряженной, осознанной жизнью. После отражения наемного рейда в воздухе витала не боязнь, а суровая, взрослая уверенность. Испытание не сломало их, а закалило, как сталь в ледяной воде. Двенадцать осужденных, день за днем дробивших камень в Трудовой Исправительной Бригаде, стали живым, молчаливым уроком для любого, кто думал о нарушении закона. Их серая роба с черной полосой мелькала на самых трудных участках, и люди смотрели на них с холодным безразличием. Они были частью системы, частью цены за порядок.

В Доме Совета двадцать девять кресел редко пустовали. Работа кипела. Комитеты отчитывались, спорили, планировали. Но главная задача, вставшая перед Республикой на третьем году, была двойной: окончательно стать настоящим государством в глазах внешнего мира и решить большую внутреннюю проблему – проблему перевозок.

Роман, теперь официально Президент, проводил все больше времени в Здании Диархии, погруженный в бесконечные переговоры по зашифрованным каналам. Отклики на их заявление миру были. Не официальные бумаги от больших стран, а осторожные запросы от частных фирм, разных организаций, даже от пары маленьких государств, известных своей гибкостью. Все они хотели одного: понять, что это за феномен – ДСР, и можно ли на нем заработать. Илья, Верховный Советник, отбирал эти запросы, как горный поток отбирает камни. Одни – отбрасывал сразу, в других – видел возможность для будущих связей.

Но для любой серьезной внешней деятельности, для приема даже скромных гостей, для развития торговли, о которой мечтал экономист Ракитин, Республике отчаянно не хватало одного – настоящего порта. Бухта Сомнамбулы, идеальная для укрытия катеров, была слишком мала и мелка для больших судов. Все грузы по-прежнему доставлялись на старом «Яксе» или таких же ветеранах, что означало зависимость от погоды, ограничения по весу и постоянный риск.

Именно в этот момент в повестке дня Совета появилось имя нового человека, чье присутствие стало возможным благодаря системе «испытуемых». Им был Лев Гордеев.

Гордеев прибыл в ДСР почти год назад. Пятьдесят пять лет, инженер по портам и причалам, тридцать из которых он проработал на стройках от Мурманска до Владивостока. В старом мире его карьере погубила не безграмотность, а принципиальность: он отказался подписать бумаги о приемке недоделанного, но дорогого терминала, за что был выгнан, а потом, после попытки судиться, оказался в черном списке. В ДСР он прошел путь испытуемого молча, без жалоб, работая сначала на расчистке, затем – на стройке волнолома для защиты бухты. Его расчеты, сделанные в свободную минуту на обороте упаковки от цемента и переданные через систему «предложений граждан», попали сначала к Боровику, а оттуда – прямо на стол Илье.

Илья, изучив лаконичные, но безупречные схемы, вызвал Гордеева на разговор. Он длился три часа. Илья задавал вопросы о грунте, течениях, материалах. Гордеев отвечал коротко, по делу, с цитатами из правил и норм, которые, казалось, знал наизусть. В его голосе не было ни капли лести – только холодная уверенность мастера, говорящего на языке цифр.

– Допустим, у вас есть много рабочих рук, но мало материалов: цемента, металла, сложной техники, – сказал наконец Илья, откидываясь в кресле. Его темные глаза изучали Гордеева. – И есть задача: построить порт, способный принимать суда весом до пяти тысяч тонн. Где на архипелаге вы его разместите и как?

Гордеев, не моргнув глазом, подошел к карте на стене. Его палец, грубый и испарипанный, ткнул не в главный остров Прим, а в один из трех меньших, в пятнадцати километрах к юго-

востоку – остров, который на картах звали «Второй», а моряки уже прозвали «Клыком» за форму.

– Здесь, – сказал он своим низким, хриловатым голосом. – Главный остров не подходит. Берег там или слишком пологий с мелями, или скалистый, но сложный для стройки. А вот «Клык»... – Он обвел контур острова. – Здесь, на внутренней стороне изгиба, есть естественная бухта. Глубина у входа – восемь метров, внутри – до пятнадцати. Дно – твердая глина, идеально для фундаментов. Западный мыс защищает от основных штормов. Длина берега, подходящего для причалов – около восьмисот метров. Этого хватит для первых двух-трех причалов и защитной стены.

– Пятнадцать километров открытой воды между островами, – заметил Илья. – Шторм, лед зимой?

– Шторм – строим волнолом из местного камня, его там много. Технология простая – насыпь из каменных блоков, скрепленных цементом. Много работы, но материалы – под ногами. Зимой лед в этих широтах непостоянен, но если будет – ледокольные работы силами катеров с усиленным носом. Главная проблема – не погода, – Гордеев посмотрел прямо на Илью, – а организация стройки. Нужно перебросить на «Клык» людей, технику, материалы, организовать временный лагерь, снабжение. Это как строить маленькую Сомнамбулу с нуля, но в более жестких условиях и с конкретной, сложной целью.

Илья молча смотрел на карту. В его голове, похожей на точный механизм, уже прокручивались варианты: сколько людей, сколько рейсов катеров, сколько цемента заберешь у других строек, какие риски...

– У вас есть чертежи? Хотя бы наброски? – спросил он.

– Есть, – просто ответил Гордеев и достал из потрепанного планшета толстую папку, испещренную карандашными набросками, расчетами, схемами. Это был не просто проект порта. Это была целая инженерная поэма, написанная человеком, который десятилетиями вынашивал в голове идеальный порт и наконец получил чистый лист для его воплощения.

Илья изучал чертежи еще час. Затем закрыл папку.

– Завтра, на заседании Совета, вы представите этот проект комитетам по инфраструктуре, энергетике и обороне, – сказал он своим ровным, решающим голосом. – Если Совет утвердит, вы будете назначены главным инженером проекта «Порт Клык». И, – Илья сделал едва заметную паузу, – ваше положение испытуемого будет пересмотрено. Проект такой сложности не может возглавлять человек без полных гражданских прав.

На следующем заседании Государственного Совета в Каменном Капитуле атмосфера была более чем деловой. Это был один из тех моментов, когда будущее Республики висело на волоске выбора. Гордеев, в своей простой рабочей робе, стоял перед амфитеатром из двадцати девяти пар глаз. Он не ораторствовал. Он просто, методично, с помощью схем, нарисованных мелом на доске, объяснял суть проекта. Цифры, графики, расчеты прочности, оценки трудозатрат. Его голос, монотонный и лишенный эмоций, был гипнотическим в своей ясности.

Первым выступил Боровик.

– Военный аспект. Порт на отдельном острове – это слабое место. Его нужно защищать. Это растягивает наши и без того небогатые силы.

– Это также запасная база для флота, – ответил Гордеев. – И естественный пост, контролирующий южный подход к архипелагу. Защиту можно организовать системой постов и минными заграждениями. Сам порт, с его массивными каменными стенами, станет крепостью.

Никита Ветров, энергетик, спрашивал об электричестве.

– Сначала – дизельные генераторы, позже – подводный кабель от ветряков Прима. В будущем – свои ветряки на высоких точках «Клыка».

Алиса Строгова интересовалась правовым статусом территории и будущих построек.

– Остров «Клык» будет объявлен территорией Республики с особым статусом – «Портовый округ». Все постройки – собственность ДСР.

Споры длились несколько часов. Сомнения были. Проект был огромным, смелым, рискованным. Он оттянул бы на себя колоссальные силы. Но и доводы «за» были весомы: экономическая независимость, возможность приема серьезных грузов и судов, рост уважения и реального суверенитета.

Роман, председательствовавший на заседании, дал слово Илье для последнего слова. Верховный Советник встал, поправил очки.

– Мы строим не на десять лет. Мы строим на столетия, – начал он своим тихим, но слышимым в каждом уголке зала голосом. – Сомнамбула – это наше сердце. Но сердцу для жизни нужны артерии. Наши нынешние пути снабжения – это тонкие, хрупкие ниточки. «Клык» может стать главной артерией. Да, это риск. Да, это труд. Но это также шанс перестать быть отрезанным миром, живущим с оглядкой на каждый рейс старого «Якса». Это шанс говорить с миром с позиции силы – не только военной, но и хозяйственной. Мы проголосовали за жесткость закона, когда судили наемников. Теперь нужно проголосовать за смелость созидания. Я вношу предложение: утвердить проект «Порт Клык» как главную программу Республики на ближайшие два года. Назначить Льва Гордеева главным инженером с предоставлением ему полного гражданства и места... – Илья сделал паузу, оглядев зал, – ...в Государственном Совете. Тридцатое кресло пустует слишком долго. Его должен занять человек, чей ум и труд могут изменить будущее ДСР. Мы начали с идей и принципов. Теперь пришло время инженеров.

В зале повисла тишина. Предложение включить нового члена в пожизненный Совет было небывалым. Это меняло сложившийся порядок, вносило нового человека. Но логика Ильи была железной: такой проект требовал не просто работника, а человека с высочайшей ответственностью и правом решать.

Голосование было тайным. Каждый член Совета опускал в урну каменную фишку: белую – «за», черную – «против». Когда урну вскрыли, на столе лежали двадцать восемь белых фишек и одна черная.

Проект был утвержден. Лев Гордеев стал тридцатым членом Государственного Совета Демократическо-Спартанской Республики. Его первое действие на этом посту было характерным: он не стал говорить речи, а сразу запросил точные данные по острову «Клык» и список доступных материалов.

Но пока в Совете решалась судьба порта, в голове Ильи зрела другая, не менее важная мысль. Она пришла к нему не во время чтения отчетов, а во время одного из редких совместных с Романом обходов окраин Сомнамбулы. Они поднялись на холм, откуда был виден узкий пролив между Примом и соседним, третьим по величине островом, который называли «Третий» или, в обиходе, «Пастбище» – за его ровную, покрытую тундрой землю.

– Помнишь, когда мы впервые подплывали? – вдруг сказал Илья, глядя в бинокль на зеленые склоны Третьего.

– Песчаный пляж, лес, – отозвался Роман.

– Не только. На том берегу, у кромки леса. Олени. Небольшое стадо, шесть или семь голов. Северные олени.

Роман нахмурился, вспоминая. Да, смутный образ мелькнул тогда, в первые часы, залитый адреналином открытия. Крупные, спокойные животные, наблюдавшие за ними из чащи, прежде чем раствориться в зелени.

– И что? – спросил он.

– Мясо, шкуры, кость, жилы, – перечислил Илья, опуская бинокль. Его голос был ровным, но в нем звучала та самая нота холодного расчета, которая предвещала новый большой план. – Источник белка, не зависящий от поставок с материка. Животные, идеально приспособленные к нашему климату. Они пасутся на лишайниках, которых здесь в избытке. Они выносливы. Это готовый ресурс, который мы до сих пор игнорировали.

– Хочешь начать на них охоту? – предположил Роман.

– Нет, – покачал головой Илья. – Охота – это добыча, исчерпаемый ресурс. Я говорю о разведении. О домашнем стаде. Мы находим этих оленей, отлавливаем, создаем на Третьем острове загон. Через несколько лет у нас будет свое стадо в десятки, а то и сотни голов. Это не только мясо. Это шкуры для одежды и утепления домов, кость и рог для ремесел, жилы для нитей. Это страховка на случай неурожая или срыва поставок. Это шаг к полной самостоятельности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.